

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47
EDN: TMVQUU

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭСТОНИИ: ОСНОВНЫЕ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ (2000–2021 гг.)

Узнародов Д. И.

Южный научный центр РАН
(344006, Россия, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41)

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24–28–00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Для цитирования:

Узнародов Д. И. Русское население в Эстонии: основные геодемографические тренды (2000–2021 гг.) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 31–47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47; EDN: TMVQUU

Аннотация. В статье анализируется количественная, пространственная, расселенческая динамика русского населения в Эстонии в период 2000–2021 гг., изучаются сдвиги в его возрастной структуре и гендерном соотношении. Исследование подтвердило сохранение в 2000–2010-е гг. двух эпицентров системы расселения русских, включающих северо-восток Эстонии (уезд Ида-Вирумаа) и столичный субрегион (Таллин и уезд Харьюмаа). Компактное расселение, ограниченный уровень естественной убыли и близкое к нулю сальдо миграции русского населения страны способствовали значительному снижению его демографических потерь, темпы которых были минимальными в пределах всего нового зарубежья России (10,3% за 2000–2021 гг.). Незначительной в сравнении с другими постсоветскими странами была и степень деформации половозрастной структуры русских в Эстонии. Совмещение данных благоприятных факторов работает на сохранение в ближайшие десятилетия сценария замедленного сокращения русской общины страны. Но такая демографическая устойчивость не исключает серьёзных проблем, связанных с активным оттоком в столичный субрегион части русских (прежде всего, молодёжи и людей трудоспособного возраста). Следствием этого процесса является ускоренная убыль и быстрое старение большинства региональных групп русского населения. В настоящее время в 10 из 15 уездов Эстонии средний возраст русских превышает 50 лет, что делает неизбежным заметный рост их естественных потерь в перспективе 10–20 лет. К середине века две самые маленькие и возрастные региональные группы русских (уезды Сааремаа и Хийумаа) могут почти полностью прекратить существование; в 1,8–2,5 раза может сократиться русское население еще 6–7 уездов страны. Данный геодемографический сценарий будет сопряжён с ощутимым сокращением общей системы расселения русских в Эстонии, и сверхконцентрацией их в столичном субрегионе, на который в 2045–2050 гг. может приходиться порядка 65–70% русского населения страны.

Ключевые слова: русское население Эстонии, демографическая и миграционная динамика, система расселения, половозрастная структура.

По данным переписи населения СССР 1989 г., по абсолютным размерам русского населения Эстония (ЭССР) находилась в середине демографического рейтинга союзных республик СССР (474, 8 тыс. человек, 7-е место). Но по удельному весу русских в структуре населения она уже была третьей (30,3%), уступая только Казахстану и сопредельной Латвии. Таким образом, после распада Советского Союза русские фактически стали вторым государствообразующим этносом независимой Эстонии. Что, однако, не способствовало желанию новой политической элиты страны интегрировать русских в формирующуюся гражданскую нацию. Скорее наоборот, весомый демографический вес русской общины воспринимался исключительно как угроза для нового государства и титульного этноса. Соответственно практики нациестроительства (прежде всего, условия получения гражданства) были ориентированы на системную маргинализацию русского населения и выдавливание значительной его части за пределы Эстонии. В известной степени данная государственная политика оказалась эффективной: в течение первого постсоветского десятилетия чистый отток русских из страны составил 64–65 тыс. человек. Со времени последней переписи населения СССР русская община Эстонии сократилась на 26% и составила 351 тыс. человек в 2000 году.

Тем не менее, её дальнейшая геодемографическая динамика свидетельствует о достаточно успешной (в сравнении с большинством других постсоветских государств) адаптации местных русских к новым условиям жизнедеятельности. Данное обстоятельство повышает интерес к изучению особенностей количественной, расселенческой, половозрастной динамики русской общины Эстонии. Тем более, что её геодемографические характеристики и их эволюция в 2000–2010-е гг. еще не становились объектом самостоятельного исследования.

Отдельные аспекты этой проблематики попадали в фокус исследований, посвящённых динамике русского населения и общим этнодемографическим процессам на территории постсоветской Эстонии и Прибалтики

в целом. Можно выделить работы Л.Л. Рыбаковского [1], В.А. Тишкова [2], И.В. Никифорова и В.В. Полещука [3], К.С. Халлика [4], В.А. Козлова [5], А.Г. Манакова и О.А. Чуценковой [6], П.Э. Суворкова и И.В. Ермолина [7], С.Я. Сущего [8; 9], Д.В. Житина и А.А. Ивановой [10], Н.М. Кабузана [11], С.А. Хрущёва [12]. Но, повторимся, в более детальном изучении нуждаются многие стороны геодемографической динамики русской общины современной Эстонии, в том числе количественный анализ русских в разрезе уездов страны; изучение их расселенческой и половозрастной структуры, как в целом по Эстонии, так и в разрезе крупных административно-территориальных образований; оценка среднего возраста, коэффициента и индекса старения отдельных территориальных групп русского населения. Основу инструментария исследования составили методы статистического анализа. В ходе исследования, в частности, применялись сводка, группировка, а также корреляционный и регрессионный анализ полученных статистических данных. В качестве информационной базы исследования использовались материалы переписей населения Эстонии в 2000, 2011 и 2021 гг., а также данные текущего демографического учёта населения страны, представленные на сайте Департамента статистики Эстонии.

Результаты исследования

Система расселения русской общины Эстонии сформировалась в послевоенные десятилетия советского периода. В 1950–1960-е гг., наряду с северо-восточным Нарвским районом республики, в котором русское старожильческое население составляло абсолютное большинство, в пределах ЭССР появляется еще один демографический эпицентр с многочисленным русским населением — республиканская столица. В 1989 г. русские составляли 46,8% жителей Таллина. При этом стольичные русские составляли 43,7% всех русских в Эстонии [11, с. 261]. Отметим и очень высокий уровень урбанизации местного русского населения, достигавший в это время 92%. Показатель-

но, что первое постсоветское десятилетие, связанное с масштабным сокращением русской общины, практически не изменило соотношения её основных расселенческих групп. Убыль русских была не только повсеместной, но и равномерной. На рубеже XXI в. в Таллине проживало 41,6% русских страны, а горожане составляли 92,5% представителей общины.

Можно сказать, что география русских в Эстонии к началу XXI в. сохранила особенности, сформированные в период интенсивного притока в союзную республику трудовых мигрантов из других регионов СССР, в первую очередь ориентированных на республиканскую столицу — крупнейший производственный центр ЭССР и приморскую поселенческую сеть — территории наиболее динамичного социально-экономического развития. Приморские уезды Эстонии и к началу 2000-х гг., в сравнении с большинством внутренних территориально-административных образований, отличались повышенным удельным весом русских (соответственно 9–10% и 1–4%).

Сохранилось и два основных демографических средоточия русского населе-

ния — Таллин с окрестностями (уезд Харьюмаа) и северо-восток страны — уезд Ида-Вирумаа. В 2000 г. на два данных уезда приходилось 84,3% русских в Эстонии. Причем второй из них, в значительной степени совпадавший по контурам с бывшим советским Нарвским районом (а в период Российской империи с Ямбургским уездом Петербургской губернии), сохранялся в качестве единственного административно-территориального образования Эстонии, в котором на протяжении всего постсоветского периода русские составляли абсолютное этническое большинство.

Но заметная доля русского населения фиксировалась и в ряде других уездов, в том числе Харьюмаа, Тартумаа, Валгамаа, Ляэне-Вирумаа, Пярнумаа, Ляэнемаа и Йыгевамаа (табл. 1). Среди городов с высокой или повышенной долей русских в структуре населения выделялись центры уезда Ида-Вирумаа, прежде всего Нарва (86,99%) и Кохтла-Ярве (73,57%); а также Калласте (72,94%) в уезде Тартумаа. Но следует отметить и столицу страны (34,23%), административно относящуюся к уезду Харьюмаа.

Таблица 1

Численность русского населения Эстонии (2000–2021 гг.)

Table 1

Number of the Russian population of Estonia (2000–2021)

Уезды	Численность населения (тыс. чел.)			Доля в структуре населения (в %)		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Валгамаа	4467	3662	3516	12,48	12,16	12,72
Вильяндимаа	2108	1305	1110	3,64	2,74	2,44
Вирумаа	1668	1141	1218	4,18	3,41	3,56
Ида-Вирумаа	124961	108208	97231	69,54	72,54	73,25
Йыгевамаа	2971	2190	1906	7,76	6,98	6,84
Ляэнемаа	2589	1965	1612	9,04	8,14	7,97
Ляэне-Вирумаа	7318	5794	5385	10,79	9,68	9,17
Пылвамаа	1357	1018	795	4,15	3,71	3,31
Пярнумаа	8509	6699	5752	9,33	8,11	6,71
Рапламаа	1540	1332	1095	4,1	3,82	3,27
Сааремаа	383	295	211	1,07	0,94	0,67
Тартумаа	20894	18543	16491	13,97	12,32	10,45

Харьюмаа	171009	173194	178169	32,53	31,32	28,99
Хийумаа	105	61	55	1,01	0,72	0,65
Ярвамаа	1299	828	706	3,35	2,71	2,38
Эстония в целом	351178	326235	315252	25,63	25,20	23,67

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

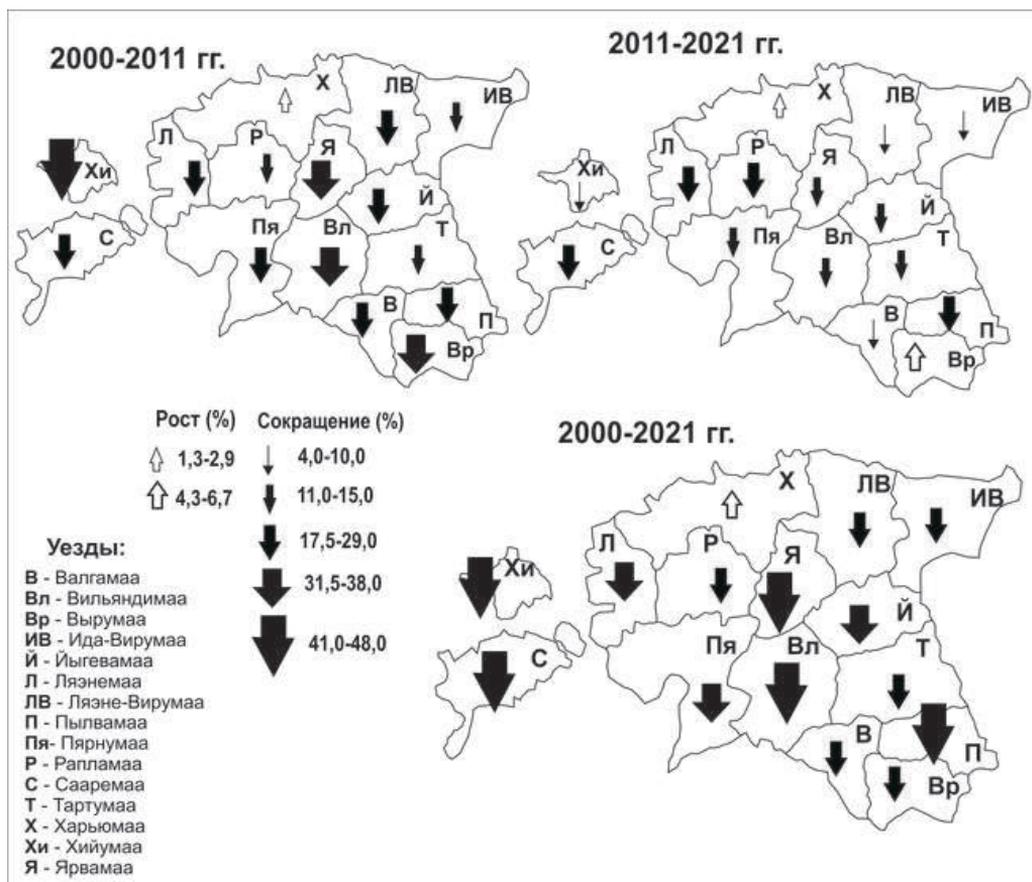

Рис. 1. Динамика русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (%)

Fig. 1. Dynamics of the Russian population by Estonian counties, 2000–2021 (%)

Источник рис. 1–2: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Процесс определённой демографической стабилизации русской общины страны начинается во второй половине 1990-х гг., после заметного снижения темпов миграционного оттока (если в 1990–1994 гг. он составлял порядка 9 тыс. в год, то в 1996–2000 гг. — около 3,2 тыс.) [8, с. 23], связанного с возвращением экономической устойчивости и постепенной адаптацией оставшегося русского населения к этнополитическим, культурно-языковым и социально-экономическим реалиям постсоветской Эстонии. В 2000–2010 гг. русская община страны сократилась на 7,3% — минимальный показатель среди всех стран ближнего зарубежья. Учитывая, что естественная убыль русских в Эстонии в данном десятилетии составила порядка 3,5–4,5%, чистый миграционный отток сократился до 1,1–1,2 тыс. в год. При этом, основной его вектор был направлен уже не на Россию, а в страны Западной и Центральной Европы.

Однако демографическая динамика отдельных территориальных групп русского населения в 2000-е гг. отличалась серьёзной спецификой. В четырех уездах страны численность русских сократилась на 31,5–42%; еще в семи — на 18–26%, в трех — на 11–13,5%. И только в столичном субрегионе (уезд Хярьямаа) выросло на 1,3% (рис. 1). Таким образом, помимо небольшого оттока русских за пределы страны происходило куда более активное их межрегиональное перемещение, прежде всего в Таллин и прилегающие к нему населенные пункты. Как результат, доля уезда Хярьямаа в структуре русской общины за 2000–2011 гг. выросла с 49,7% до 53,7%.

Этот территориальный переток, далеко не полностью учитываемый органами управления и государственной статистикой, очевидно, являлся основной причиной заметного расхождения размеров местных русских общин, установленных текущим демографическим учётом и результатами переписи 2011 года. В большинстве уездов страны разница показателей составляла 13–24%, а в трех (Хийумаа, Вильяндимаа, Ярвамаа достигала 30–40%). Причём во всех уездах Эстонии выше были именно данные те-

кущего учёта. Исключение составляла русская община столичного Хярьямаа, которая по результатам переписи оказалась больше на 2,1%, чем фиксировалось текущей демографической статистикой (что подтверждает сделанное выше предположение).

Отметим, что основные особенности геодемографической динамики русских (естественная убыль, отток за пределы страны, перемещение в столицу) были характерны и для всего остального населения страны, включая представителей титульного народа. Поэтому удельное сокращение русских по территории Эстонии оказалось далеко не столь значительным, как их абсолютные потери (табл. 1). Перечисленные геодемографические тренды, отличавшие русскую общину в 2000-е гг., перешли в следующее десятилетие. С той разницей, что с середины 2010-х г., после 7–8-летнего периода низких показателей, усилилась депопуляция, связанная со вступлением в репродуктивный возраст малочисленной генерации 1990-х гг. и мировой пандемией COVID-19. Ежегодный коэффициент естественных потерь русского населения с 2–2,5% на рубеже 2010-х гг. вырос до 8–9% в начале 2020-х годов.

Тем не менее, общие темпы убыли русской общины Эстонии снизились еще больше — за 2011–2021 гг. ее размеры сократились на 3,4%¹. Данный показатель был ниже, чем темпы сокращения русских в России, не говоря уже о других странах ближнего зарубежья, в которых он колебался в диапазоне 10–40% [9]. Учитывая масштабы естественных потерь, можно сделать вывод о фактическом прекращении оттока русского населения из Эстонии. Не исключено, что его результирующее миграционное сальдо в данный период могло иметь незначительное положительное значение. Минимальная демографическая убыль русских в 2010-е гг. указывает и на ограничен-

¹ Если же ориентироваться на данные текущего учета, демографические потери русских страны были еще меньше — только 1,1%. Очевидно, в 2010-е гг., как и десятилетием раньше, органы учёта не полностью фиксировали межрегиональную циркуляцию русских, а также могли недооценивать масштабы смены идентификации представителями смешанного населения страны, ранее самоопределявшегося как русские.

ный размер ассимиляционных потерь, игравших существенную роль в сокращении размера русских общин в двух других странах Балтии [8]. Возможно, потери, связанные с преимущественным выбором титульной самоидентичности смешанным потомством русско-эстонских семей, в значительной степени компенсировались предпочтением русской компоненты детьми в браках русских с представителями русскоязычных общин (русскими, белорусами и др.).

Ограниченное число уездов страны (15) не позволяет путем проведения развернутого регрессионного анализа получить полностью корректные оценки влияния особенностей данных территорий на геодемографическую динамику русского населения в Эстонии в 2000–2010-е гг. (рассматривались такие характеристики, как приморское/континентальное расположение уез-

дов, столичный/провинциальный статус, сопредельность с территорией России, количественные размеры местных русских общин и их вес в структуре всего населения, общий демографический потенциал последнего). Тем не менее, это не помешало зафиксировать центральную роль в изучаемом геодемографическом процессе фактора столичности, задающего и определяющего направление и масштабы количественной динамики русского населения Эстонии в первые два десятилетия XXI века².

Подтверждается этот вывод и результатами переписи 2021 г. — за последний межпереписной период доля русских страны

² Впрочем, не следует забывать, что уезд Харькумаа, помимо столичного статуса, обладает преимуществами и по большинству других измеряемых показателей, в том числе имеет приморское расположение, максимальную численность и повышенную концентрацию русских.

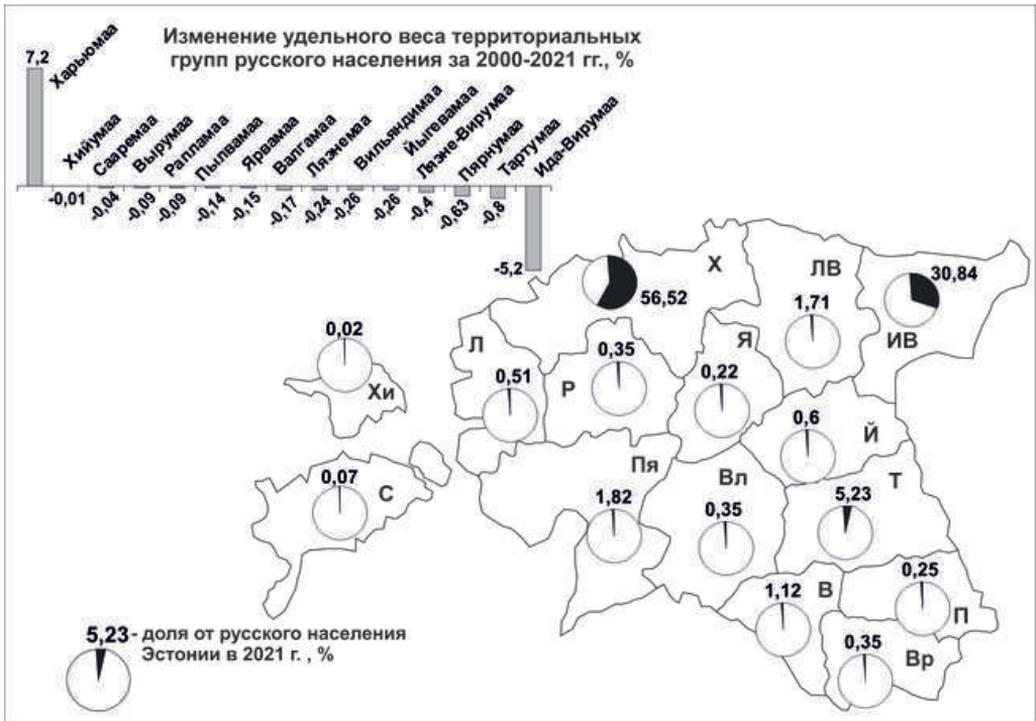

Рис. 2. Доля территориальных групп в структуре русского населения Эстонии, 2021 г. (%)
 Fig. 2. Share of territorial groups in the structure of the Russian population of Estonia, 2021 (%)
 Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2021 г. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

проживающих в столичном субрегионе выросла с 53,6% до 56,6% (рис. 2). Таким образом, сохранялся переток регионального русского населения в столицу страны и ее окрестности. Удельный вес всех нестолических территориальных групп в структуре общины за 2000–2021 гг. более или менее значительно сократился в размерах.

Самостоятельный интерес представляет динамика сельского русского населения в Эстонии. В первые два десятилетия XXI в. оно демонстрировало не только демографическую устойчивость, но и количественный рост, увеличившись за 2000–2021 гг. на 20,5% (с 26,3 тыс. до 31,7 тыс. чел) (табл. 2). Можно предположить, что таким образом проявляется более глубокая укорененность местных русских «поселян», которая действительно была характерна для

ряда стран ближнего зарубежья [9]. Данное предположение отчасти было верным. Сельские русские, расселенные в провинциальных уездах страны, за 2000–2021 гг. сохранили свою общую численность, что указывало на их большую демографическую устойчивость, чем у местных городских территориальных групп. Однако количественный рост всей сельской компоненты русской общины страны определялся расширением сельской группы столичного уезда, выросшей за данный период на 68% (с 7,8 тыс. до 13,1 тыс. чел.). Если в 2000 г. в Хартюмаа проживало 29,7% сельских русских страны, то в 2021 г. — уже 41,3%. По сути, речь шла об ещё одной проекции процесса нарастающей концентрации русских в Эстонии в столичном субрегионе, включая его сельские территории.

Таблица 2

Уровни системы расселения русского населения Эстонии, 2000–2021 гг. (тыс. человек, %)

Table 2

Levels of the settlement system of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (thousand people, %)

Центры и территории	Численность, тыс. чел.			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Таллин	146,2	144,7	149,9	41,6	44,3	47,5
Остальные города	178,7	154,9	133,7	50,8	47,4	42,4
Сельская местность	26,3	26,6	31,7	7,5	8,1	10,1
Уезд Хартюмаа	171,0	173,2	178,2	49,3	53,6	56,6
Уезд Хартюмаа без Таллина	24,8	28,5	28,3	7,7	9,3	9,1
Уезд Ида-Вирумаа	125,0	108,2	97,2	35,9	33,5	30,8
Уезды Хартюмаа + Ида-Вирумаа	296,0	281,4	275,4	85,4	87,2	87,4

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Данный процесс не только не отменял существенного разбега показателей количественной динамики остальных территориальных групп русского населения, но и определял значительные масштабы их

демографических потерь. В 2010-е гг. последние заметно сократились в сравнении с предыдущим десятилетием, но в четырех уездах по-прежнему превышали 17%, еще в семи составляли 10–15%. Таким образом,

ограниченные темпы убыли всей русской общины Эстонии в 2010-е гг. не означали ее демографического благополучия.

Половозрастная структура русских Эстонии

О том же свидетельствовал и неуклонно растущий средний возраст русского населения. За 2000–2011 гг. он поднялся на 5,6 лет (с 39,9 до 45,5 лет). При этом доля пожилого и старого населения (60 лет и старше) выросла с 18,2% до 31,8% (табл. 3). У эстонцев данный показатель составлял 24,9%. Еще ниже он был у латышей (19,1%) и немцев (21,14%). Сопоставимым с русскими он был у армян (28,75%) и литовцев (29,23%). В то же время, среди некоторых других этнических групп Эстонии доля населения старше 60 лет была значительно выше: у украинцев она составляла 36,2%, у поляков, финнов, татар нахо-

дилась в диапазоне 40,5–46,9%; у евреев и белорусов — 50,0–54,3%.

Очевидно, что этнические группы, более 40% представителей которых — люди старше 60 лет, находятся в процессе демографического угасания. Между тем сразу в нескольких уездах Эстонии на эти возрастные когорты (60+) приходилось 45–56% местного русского населения (табл. 4). Сравнительный анализ возрастной структуры территориальных групп русских и темпов их убыли в 2000–2020 гг. обнаруживает прямую корреляцию. Максимальное сокращение численности русского населения с 2000 по 2021 гг. фиксировалась в уездах Хийумаа (–47,62%), Вильяндимаа (–47,3%), Ярвамаа (–45,7%), Сааремаа (–44,9%), Пылвамаа (–41,4%). Но именно в этих уездах в начале 2020-х гг. было сосредоточено наиболее пожилое русское население (средний возраст его находился в диапазоне 55,0–62,7 лет).

Таблица 3
Возрастная структура русского населения Эстонии, 2000–2021 гг. (человек, %)

Table 3

Age structure of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (people, %)

Возрастные группы, число лет	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес среди всех этнических групп, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
младше 10	28 302	30 494	28 503	20,07	21,59	20,23
10–19	55 843	25 937	29 787	26,44	20,54	20,76
20–29	46 590	46 927	23 512	24,64	25,07	17,48
30–39	45 469	46 011	46 339	24,45	25,79	23,28
40–49	59 220	43 178	45 267	30,45	24,8	24,65
50–59	37 881	55 528	41 580	23,69	31,2	24,24
старше 60	77 873	78 160	100 264	27,05	25,28	27,95

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Таблица 4
Возрастная структура русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (человек)

Table 4

Age structure of the Russian population by counties of Estonia, 2000–2021 (people)

Уезды	Возрастные группы, лет						
	младше 10	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
2000 год							
Валгамаа	418	617	530	516	678	536	1172
Вильяндимаа	102	188	228	245	455	343	547
Вырумаа	117	157	123	190	318	229	534
Ида-Вирумаа	10805	21151	16740	16551	21199	12251	26264
Йыгевамаа	256	404	291	350	475	394	801
Ляэнемаа	193	340	336	318	398	345	659
Ляэне-Вирумаа	638	1012	960	978	1181	804	1745
Пылвамаа	93	151	92	180	216	210	415
Пярнумаа	669	1281	986	1010	1555	916	2092
Рапламаа	63	141	141	148	349	212	486
Сааремаа	16	25	54	39	117	77	55
Тартумаа	1660	2915	2682	2550	3391	2347	5349
Харьюмаа	13198	27321	23296	22251	28595	18993	37355
Хийумаа	0	5	11	11	36	28	14
Ярвамаа	74	135	120	132	257	196	385
2021 год							
Валгамаа	307	367	276	404	524	492	1146
Вильяндимаа	34	28	37	87	171	160	593
Вырумаа	70	50	69	134	200	141	554
Ида-Вирумаа	8027	9674	7194	11777	13497	13141	33921
Йыгевамаа	90	129	116	172	343	223	833
Ляэнемаа	71	112	92	153	252	229	703
Ляэне-Вирумаа	298	420	364	526	880	766	2131
Пылвамаа	50	34	51	78	130	91	361
Пярнумаа	296	426	362	607	890	714	2457
Рапламаа	71	65	44	114	151	168	482
Сааремаа	6	2	9	18	32	29	115
Тартумаа	1371	1479	1276	2250	2193	2392	5530
Харьюмаа	17788	16972	13587	29952	22190	26622	51058
Хийумаа	3	0	0	5	7	9	31
Ярвамаа	21	29	35	62	120	90	349

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Как показали расчёты, в период с 2011 по 2021 гг. доля русского населения Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократилась в среднем на 6%. В указанных возрастных группах максимальное сокращение численности русских происходило в уездах Вильяндимаа (на 49,6%), Рапламаа (46,6%), Ляэнемаа (45,9%). Достаточно высокими темпы сжатия данных возрастных групп были также у русских в уездах Ляэне-Вирумаа (35,6%) и Тартумаа (34,9) %.

Негативные сдвиги в возрастной структуре русской общины страны актуализировали другую проблему её демографической динамики, поскольку демонстрировавшие абсолютное и удельное сокращение «средневозрастные» генерации русских заключали группу репродуктивных женщин. Если в 2000-е гг. её размеры в Эстонии практически не изменилась, то в 2010-е гг. группа русских женщин наиболее активного детородного возраста (20–39 лет) сократилась почти на 25% (с 46,5 тыс. человек до 34,9 тыс.). При этом, в 4 уездах убыль составила 46–50%, в 7–31–38% (рис. 36). Даже в столичном субрегионе, данная группа потеряла 19,7% своего размера. Однако процесс демографического сжатия не закон-

обращения: 07.02.2024).

чен — в 2020-е гг. даже без учёта фактора миграции, женская группа активной репродукции в русской общине сократится ещё на 22,5%⁴.

Таким образом, без ощутимого повышения коэффициента фертильности у русских женщин в Эстонии, абсолютные размеры рождаемости в общине в 2020-е гг. продолжат свое быстрое сокращение, увеличивая показатель естественной убыли. Однако фиксируемая динамика детородной активности у русских женщин за 2000–2010-е гг. не даёт поводов для оптимизма (табл. 5). Суммарный коэффициент рождаемости, в 2000 г. составлявший 1,47, в 2011 и 2021 гг. был ещё ниже — соответственно 1,38 и 1,42 (рассчитано по данным переписей). Доля бездетных русских женщин в возрасте 20–29 лет за 2000–2021 гг. выросла в Эстонии с 42,9% до 68,3%; в возрасте 30–39 лет — с 8,9% до 18,2% (табл. 6). Расчёты показывают, что даже при увеличении коэффициента фертильности русских женщин в середине-второй половине 2020-х гг. до 1,5–1,6 (самый оптимистический сценарий) уро-

⁴ Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Таблица 5
Динамика уровня рождаемости у русских женщин в Эстонии, 2000–2021 гг. (чел., %)

Table 5

Dynamics of fertility of the Russian women in Estonia, 2000–2021 (people, %)

Число детей	Количество женщин, человек			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Один	54721	53433	47763	32,8	33,5	31,6
Двое	60495	60539	59148	36,2	38,0	39,1
Трое и более	14957	13114	15812	9,0	8,2	10,5
Бездетные женщины	29954	30010	27158	17,9	18,8	17,9

Источник табл. 5–6: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Рождаемость. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000_laste-arv-naistel/RL211/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__naised-ja-lapsed/RL0411/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__naised-ja-lapsed/RL21411/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 15.02.2024).

Таблица 6

**Уровень репродуктивной активности русских женщин
в Эстонии в группах 20–29 и 30–39 лет**

Table 6

Reproductive activity of the Russian women in Estonia in the age groups of 20–29 years and 30–39 years

Число рождённых детей	2000		2011		2021	
	Количество русских женщин, человек					
	20–29 лет	30–39 лет	20–29 лет	30–39 лет	20–29 лет	30–39 лет
Один	10187	11031	7116	9057	2356	7482
Двое	2188	9971	2034	8153	844	7676
Трое и более	239	1332	304	1855	228	3067
Бездетные женщины	9473	2173	12493	3549	7388	4050
Всего	22087	24507	21947	22614	10816	22275
	Доля женщин с разной репродуктивной активностью, %					
Один	46,12	45,01	32,42	40,05	21,78	33,59
Двое	9,91	40,69	9,27	36,05	7,8	34,46
Три и более детей	1,08	5,44	1,39	8,2	2,11	13,77
Бездетные женщины	42,89	8,87	56,92	15,69	68,31	18,18
Всего	100	100	100	100	100	100

вень рождаемости в общине сократится с 8–8,1‰ до 6,6–7,0‰.

На то, что темпы естественной убыли русского населения в Эстонии будут заметно возрастать уже в среднесрочной перспективе, указывает и его индекс старения — соотношение численности лиц старше трудоспособного возраста к численно-

сти лиц младше трудоспособного возраста, умноженное на 100. В целом этот показатель у русских составлял 227, то есть генерации людей пожилого и старшего возраста количественно превосходили возрастные когорты детей и подростков в 2,27 раз (у эстонцев — в 1,38). Однако в ряде уездов Эстонии этот перевес достигал 6–16,5 раз

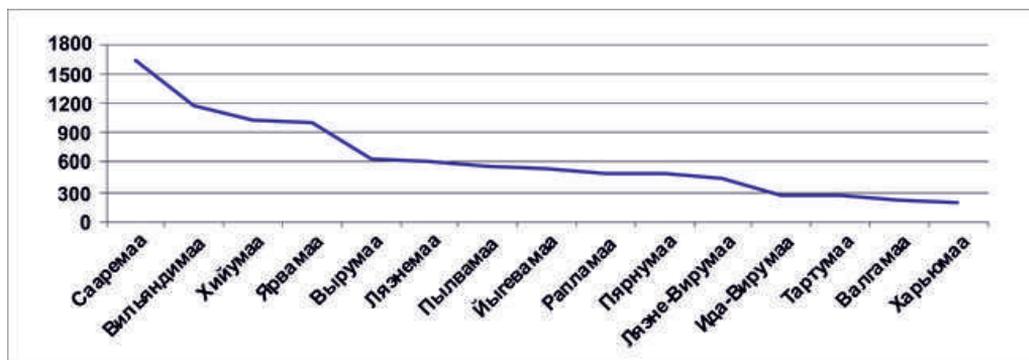

Рис. 4. Индекс старения русского населения по уездам Эстонии, 2021 г.

Fig. 4. Index of aging of the Russian population by counties of Estonia, 2021

Источник: Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emaakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

(рис. 4). Очевидно, что местное русское население даже без учёта миграционного оттока будет демонстрировать максимальные темпы убыли уже в 2020-е годы.

Конечно, общая естественная динамика русской общины будет в основном определяться двумя ее демографическими эпицентрами — территориальными группами уездов Хартюмаа и Ида-Вирумаа, но прежде всего первой из них, имевшей в 2021 г. самый низкий коэффициент старения (187,9). И поэтому масштабы естественной убыли русских страны еще несколько десятилетий будут оставаться достаточно ограниченными (в пределах 8–11% в год). Но до половины территориальных групп русских, даже без учёта миграционного оттока, будет терять в год 1,5–2,0% (или более) и к середине века способно сократиться в 1,8–2,5 раза, что приведёт к существенным сдвигам в широте расселения русских по территории страны.

Для русского населения в Эстонии был характерен заметный количественный перевес женщин (в 2021 г. их приходилось 122 на 100 мужчин). Однако уровень деформации полового соотношения на всем протяжении постсоветского периода оставался стабильным, в отличие от подавляющего большинства других русских общин ближнего зарубежья, в которых он постепенно возрастал. Отметим и ограниченный разбег полового дисбаланса по отдельным территориальным группам русских в Эстонии (рис. 5а). Не менее значимо, что во всех этих группах (кроме двух «островных» уездов) дисбаланс формировался исключительно за счет старших возрастных групп. У русского населения до 65 лет (дети, молодежь и люди трудоспособного возраста) он был минимальным (рис. 5б). Что, безусловно, имело положительное значение для процесса естественного воспроизводства русского населения страны.

Выводы

Исследование подтвердило сохранение в первой четверти XXI в. двух основных средоточий расселения русских, включающих

северо-восток страны (уезд Ида-Вирумаа с центрами в Нарве и Кохтла-Ярве), а также столичный субрегион (Таллин и уезд Хартюмаа в целом). За первые два десятилетия века русское население в Эстонии сократилось на 10,3%, что было лучшим показателем среди всех стран ближнего зарубежья. Учитывая же отрицательную демографическую динамику эстонцев и большинства других народов страны, удельный вес русских в национальной структуре населения за 2000–2021 гг. сократился менее, чем на 2% (с 25,6% до 23,7%).

Успешной демографической адаптации русских способствовало совмещение ряда факторов, среди которых достаточно высокий уровень жизни, минимизировавший отток в Россию; наличие ряда территорий и центров с компактным расселением русских, в которых они являлись доминирующим большинством или, по крайней мере, весомой группой местного населения, формирующей под свои особенности структуры повседневности регионального социума. Существенную роль играло то, что северо-восток Эстонии являлся территорией исторического расселения русских — основная их часть имела многопоколенную историю жизни в Нарве и её окрестностях. Но и большинство русского населения Таллина являлось коренными жителями города (а среди постсоветских мигрантов в столицу абсолютно доминировали уроженцы Эстонии).

Достаточно ограниченным по меркам ближнего зарубежья являлся и рост среднего возраста русских в Эстонии. Что должно и в дальнейшем сдерживать рост естественных потерь (по крайней мере, 15–20 лет) способных держаться на среднем уровне в 4–5%, с возможным последующим повышением до 5–7%. Наиболее вероятным сценарием внешней миграции русской общины на среднесрочную перспективу представляется сохранение небольшого оттока в пределах 1–2% в год. При таких показателях естественного воспроизводства и миграционного сальдо ежегодные демографические потери русского населения в ближайшие 15–20 лет будут со-

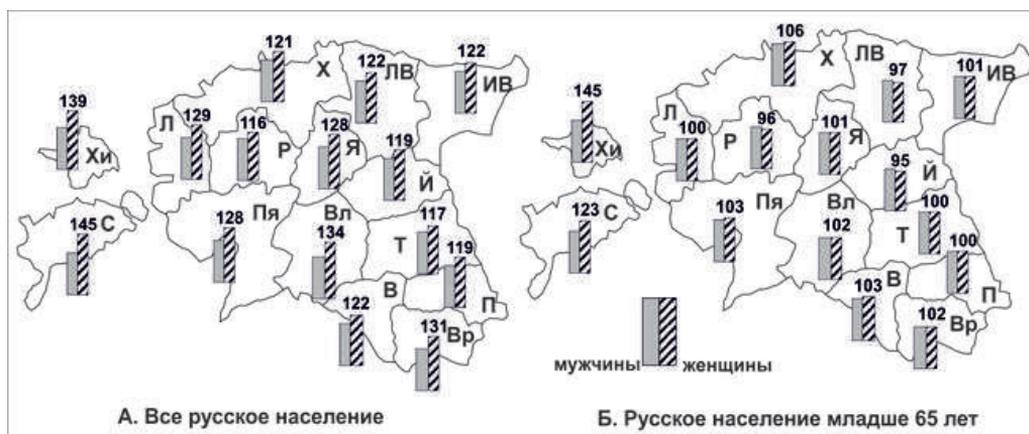

Рис. 5. Соотношение русского мужского и женского населения по уездам Эстонии, 2021 г. (число женщин на 100 мужчин)

Fig. 5. Ratio of the Russian male and female population by counties of Estonia, 2021 (number of women per 100 men)

Источник: Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emaakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

ставлять 0,5–0,7%. Но даже если убыль окажется выше (в пределах 0,7–1,0% в год), численность русских в Эстонии в 2030 г. может составлять 285–295 тыс. человек, в середине XXI в. — 230–250 тысяч.

Однако общая демографическая устойчивость не исключала серьезных проблем, связанных с перетоком из провинции в столичный субрегион заметной части русской молодежи и людей среднего возраста. И, как следствие, ускоренной абсолютной и удельной убыли, а также быстрого старения большинства региональных групп русского населения. В настоящее время в трёх уездах средний возраст русских превышает 60 лет, еще в семи — 50. Таким образом, в 10 из 15 уездов

Эстонии, даже без учёта оттока, будет происходить быстрая демографическая убыль русских связанная с естественными потерями.

В группе риска, прежде всего, самые маленькие и возрастные территориальные группы русских двух «островных» уездов (Сааремаа и Хийумаа), которые могут почти полностью прекратить существование уже к середине XXI века. В 1,8–2,5 раза может сократиться русское население ещё 6–7 уездов, что будет означать ощутимое сужение общей системы расселения русских в Эстонии, их сверхконцентрацию в столичном субрегионе, на который в 2045–2050 гг. уже будет приходиться порядка 65–70% русского населения страны.

Литература и Интернет-источники

1. Рыбаковский, Л. Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. — Москва: ИСПИ, 1996. — 55 с.
2. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // *Общественные науки и современность*. — 1993. — № 6. — С. 87–103. EDN: SMFBIP
3. Никифоров, И. В. Демография русского населения Эстонии в XX веке / И. В. Никифоров, В. В. Полещук // *Этническая политика в странах Балтии*. — Москва: Наука, 2013. — С. 155–176. EDN: UCQUMU
4. Халлик, К. С. Русские в Эстонии / К. С. Халлик // *Русские: этносоциологические исследования*. — Москва: Наука, 2011. — С. 90–119. EDN: RBJOUX

5. **Козлов, В. А.** Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии / В. А. Козлов // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 3. — С. 50–60. EDN: XRZDCX
6. **Манаков, А. Г.** Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. / А. Г. Манаков, О. А. Чученкова. — Москва : Русская книга, 2017. — 96 с. EDN: YNHPIN
7. **Манаков, А. Г.** Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии / А. Г. Манаков, П. Э. Суворков, И. В. Ермолин // Современная Европа. — 2021. — № 7. — С. 27–38. DOI: 10.15211/soveurope720212738 EDN: BWDALM
8. **Суций, С. Я.** Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века / С. Я. Суций // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02; EDN: YNHEJF
9. **Суций, С. Я.** Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137; EDN: RYFQNV
10. **Житин, Д. В.** Демографическое развитие стран Балтии / Д. В. Житин, А. А. Иванова. — Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. — 112 с. EDN: YNHPCX
11. **Кабузан, В. М.** Русские в мире / В. М. Кабузан. — Санкт-Петербург : Блиц, 1996. — 350 с. EDN: RNOKYV
12. **Хрущёв, С. А.** Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона / С. А. Хрущёв // Балтийский регион. — 2010. — № 4. — С. 91–102. EDN: NBHQKR

Сведения об авторе:

Узнародов Дмитрий Игоревич, к.полит.н., старший научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7570-3614; РИНЦ SPIN-код: 1442-1131.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47

RUSSIAN POPULATION IN ESTONIA: MAIN GEODEMOGRAPHIC TRENDS (2000–2021)

Dmitry I. Uznarodov

Southern Scientific Center RAS

(41 Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, Russia, 344006

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Funding:

The research was funded by the RSF grant No. 24–28–00974. URL: <https://rscf.ru/project/24–28–00974/>.

For citation:

Uznarodov D. I. Russian population in Estonia: main geodemographic trends (2000–2021). *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 31–47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the quantitative, spatial, and settlement dynamics of the Russian population of Estonia in the period 2000–2021, examines the shifts in its age structure and gender ratio. The study confirmed preservation in 2000–2010 of two epicenters of the Russian settlement system, including the North-East of Estonia (Ida-Virumaa County) and the metropolitan subregion (Tallinn and Harjumaa County). Russian population’s compact settlement, limited level of natural population decline and near-zero migration balance contributed to a significant reduction in its demographic losses, the rate of which was minimal within all of Russia’s new abroad (10.3% in*

2000–2021). The degree of deformation of the age and sex structure of Russians in Estonia was insignificant in comparison with other post-Soviet countries. The combination of these favorable factors works to preserve the scenario of a slow decrease of the Russian community in the country in the coming decades. But the overall demographic stability did not exclude serious problems associated with the active outflow of some Russians (primarily young people and people of working age) to the metropolitan subregion. The consequence of this process was the accelerated decline and rapid aging of the majority of regional groups of Russian population. Currently, in 10 of the 15 counties of Estonia, the average age of Russians exceeds 50 years, which makes a noticeable increase in their natural losses inevitable in the future 10–20 years. Two smallest and oldest regional groups of Russians (Saaremaa and Hiiumaa counties) may almost completely cease to exist by the middle of the century; Russian population of another 6–7 counties of country may decrease by 1.8–2.5 times. Russians in Estonia will be significantly reduced under this geodemographic scenario, and they will be overconcentrated in the metropolitan subregion, which in 2045–2050 may account for about 65–70% of the Russian population of the country.

Keywords: Russian population of Estonia, demographic and migration dynamics, settlement system, age and sex structure.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Russkije i novoje zarubezh'je: migratsionnyj obmen i jego vliyanije na demograficheskuyu dinamiku [*Russians and the New Abroad: Migration Exchange and Its Impact on Demographic Dynamics*]. Moscow. Institut sotsial'no-politicheskikh issledovanij Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo centra Rossijskoj akademii nauk [Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS]. 1996. 55 p. (in Russ.)
2. Tishkov V. A. Russkije kak men'shinstva (primer Estonii) [*Russians as minorities (the example of Estonia)*]. Obshchestvennyje nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Contemporary World*]. 1993. No. 6. P. 87–103. (in Russ.)
3. Nikiforov I. V., Poleshchuk V. V. Demografiya russkogo naseleniya Estonii v 20 veke [*Demography of the Russian population of Estonia in the 20th century*]. Etnicheskaya politika v stranakh Baltii [*Ethnic Politics in the Baltic States*]. Moscow. Nauka [Science]. 2013. P. 155–176. (in Russ.)
4. Hallik K. S. Russkie v Estonii [*Russians in Estonia*]. Russkije: etnosotsiologicheskie issledovaniya [*Russians: Ethnosociological Studies*]. Moscow. Nauka [Science]. 2011. P. 90–119. (in Russ.)
5. Kozlov V. A. Demograficheskoje povedenije russkoj diaspory v stranakh Pribaltiki i Tsentral'noj Azii [*Demographic behavior of the Russian diaspora in the Baltic States and Central Asia*]. Vestnik Instituta ekonomiki RAN [*Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*]. 2018. No. 3. P. 50–60. (in Russ.)
6. Manakov A. G., Chuchenkova O. A. Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g. [*Dynamics of the Ethnic Composition of the Population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016*]. Moscow. Russkaya kniga [Russian Book]. 2017. 55 p. (in Russ.)
7. Manakov A. G., Suvorkov P. E., Ermolin I. V. Otsenka vosproizvodstvennogo potentsiala etnicheskikh grupp v stranakh Baltii [Assessment of the reproductive potential of ethnic groups in the Baltic States]. Sovremennaya Yevropa [*Contemporary Europe*]. 2021. No. 7. P. 27–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738> (in Russ.)
8. Sushchy S. Ya. Russkije v Pribaltike — geodemograficheskie trendy postsovetskogo perioda i perspektivy pervoj poloviny 21 veka [*Russians in the Baltics — geodemographic trends of the post-Soviet period and prospects for the first half of the 21st century*]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02 (in Russ.)

9. Sushchy S. Ya. Russkoje naselenije blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda [The Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137 (in Russ.)
10. Zhitin D. V., Ivanova A. A. Demograficheskoye razvitiye stran Baltii [*Demographic Development of the Baltic States*]. Moscow. Russkaya kniga [Russian Book]. 2017. 112 p. (in Russ.)
11. Kabuzan V. M. Russkiye v mire [*Russians in the World*]. Saint Petersburg. Blits. 1996. 350 p. (in Russ.)
12. Khrushchev S. A. Etnicheskoye aspekty demograficheskikh processov v stranakh Baltijskogo regiona [Ethnic aspects of demographic processes in the Baltic region states]. Baltijskij region [*Baltic Region*]. 2010. No. 4. P. 91–102. (in Russ.)

Information about the author:

Uznarodov Dmitry Igorevich, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7570-3614; Elibrary SPIN-code: 1442-1131.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.